

ЧАРОВНИЦА

РОМАНЫ Е. АРСЕНЬЕВОЙ

РУССКАЯ ЛИЛИЯ
ЛЮБОВЬ И ДОЛГ АЛЕКСАНДРА III
ЗВЕЗДА МОЯ ЕДИНСТВЕННАЯ
РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ МАТИЛЬДЫ КШЕСИНСКОЙ
ГАРЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО
КОРОНОВАННАЯ РАСПУТНИЦА
ГРЕШНАЯ НЕВЕСТА ПЕТРА
ЦЕНА ЛЮБВИ – РОССИЙСКАЯ КОРОНА
ВЕНЕЦИАНСКАЯ БЛУДНИЦА
РОКОВАЯ ЛЮБОВЬ НЕМЕЦКОЙ ПРИНЦЕССЫ
ПОСЛЕДНИЙ ДАР ЛЮБВИ
ЕЩЕ ОДНА ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ
СТРАСТНАЯ-ОПАСНАЯ
ЗЛАТОВЛАСАЯ АМАЗОНКА
РУССКАЯ ЛЮБОВЬ ДЮМА
РОКОВАЯ СТРАСТЬ РАСПУТИНА
ЛЮБИМАЯ МУЗА КАРЛА БРЮЛЛОВА

Е Л Е Н А   А Р С Е Н Ь Е В А

ЛЮБИМАЯ МУЗА
КАРЛА БРЮЛЛОВА

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Оформление серии *П. Петрова*

В коллаже на первой сторонке переплета использованы репродукции Карла Брюллова «Автопортрет» и «Портрет графини Юлии Павловны Самойловой, удаляющейся с бала с приемной дочерью Амацилией Паччини (Маскарад).

Арсеньева Е.
А 85 Любимая муза Карла Брюллова / Елена Арсеньева. — М. : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Чаровница. Романы Е. Арсеньевой).

ISBN 978-5-699-70256-5

Ее первым мужчиной был царь, ее мужем стал первый красавец империи, а любовью всей жизни — великий художник Карл Брюллов. Это она, роскошная Юлия Самойлова, смотрит с его лучших полотен. Она, ненасытная в страсти, неверная в любви, но преданная в дружбе, азартная и щедрая, пронеслась по России и Европе ярчайшей кометой. Но была ли счастлива эта прекрасная женщина?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70256-5

© Арсеньева Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Ей нет соперниц, нет подруг...

А.С. Пушкин

Санкт-Петербург, 1818 год

В один из поздних апрельских вечеров небольшая крытая карета стояла против великолепного дома номер 7 на Миллионной улице. Дом этот принадлежал одному из богатейших и знаменитейших людей Санкт-Петербурга, Юлию Помпеевичу Литте, фавориту прежнего царствования, сохранившему, впрочем, свое высокое положение и при императоре Александре Павловиче.

Дом сиял огнями, двери на высокое крыльцо были распахнуты настежь. Здесь явно кого-то ждали, причем ждали с большим нетерпе-

нием, иначе сам хозяин, высокий, статный, сохранивший и в преклонные годы свою легендарную итальянскую красоту, не стоял бы в дверях, то и дело выглядывая из них и крича что-нибудь вроде:

— Еще свечей!

Или:

— Пошлите посмотреть, едут ли!

В результате сих мероприятий дом и подъезд оказались освещены столь ярко, что наступления ночи вовсе не чувствовалось, и вереница слуг, желавших первыми увидеть столь долго ожидаемую особу, протянулась чуть не до Невы.

Некоторые слуги подозрительно косились на уединенно стоявшую карету и делали даже попытки заглянуть в окна, однако они были плотно зашторены, а кучер, дремавший на козлах, не вступал ни в какие разговоры и не отвечал даже на оскорбления.

В конце концов таинственную карету оставили в покое, сочтя пустой, а кучера — глухим и немым.

Но вот раздался вопль:

— Едут! — и вокруг дома все оживилось. Грянул оркестр, доселе таившийся на балконе, из окон посыпались цветы, раздался треск

фейерверков, и в небо над домом взвились разноцветные огненные струи, сложившиеся в отчетливую надпись: *Julie*.

Надпись рассыпалась сотнями звезд, а после нового залпа сложилась опять — как раз в ту минуту, когда к дому подъехала белая карета, запряженная белыми же лошадьми.

Несколько слуг протянули к подножке алую шелковую дорожку, которая была усыпана лепестками белых роз. Литта сам подошел к дверце и сам распахнул ее, приняв на руки черноволосую девушку в белом платье и белом плаще.

Девушка обвила его шею руками и принялась лобызать столь пылко, что едва не была уронена наземь. Впрочем, она тут же соскочила с рук Литты и вскричала:

— Дедушка! Я счастлива видеть вас! А где же бабушка?

— Идем, сердце мое, идем! Мы заждались тебя! — чуть не плача от умиления, проговорил Литта и повел девушку к дому.

На террасе гостя обернулась, вновь и вновь оглядывая роскошь и красоту устроенной для нее встречи, и лицо ее сделалось отчетливо видно тому, кто все это время таился

в глубине загадочной кареты, а теперь раздвинул шторы и припал к окну.

Почти тотчас раздался условный стук в переднюю стенку кареты, который дал кучеру знать, что ожидание закончилось, пора уезжать.

Карета тронулась, сворачивая с парадных улиц и направляясь к Островам. Спустя некоторое время она остановилась около Елагина дворца.

Женщина в длинном черном плаще с капюшоном выпорхнула из кареты и, почти неразличимая в сумерках, вошла во дворец, причем стража почтительно вытянулась при ее появлении.

Поднявшись на второй этаж, женщина без стука отворила дверь в уютный кабинет и, взглянув на нетерпеливо обращенное к ней лицо хозяйки этого кабинета, воскликнула без всякого предисловия:

— Она великолепна!

***Близ Графской Славянки
под Санкт-Петербургом, 1827 год***

Утро началось туманом, но вот подул ветер и разнес его ключьями, а вскоре он и совсем растаял. Солнце ярко засверкало на влажной листве, и белые рубашки дуэлянтов показа-

---

Любимая муза Карла Брюллова

лись ослепительными в сочетании с темной зеленью ельника, на опушке которого они встретились, чтобы кровью выпорить друг у друга право единолично владеть предметом своей страсти.

Этот предмет, это, с позволения сказать, яблоко раздора находилось в экипаже, который стоял несколько поодаль, и уныло вздыхало, терзаясь неизвестностью своей участи.

Причем яблоко само не могло понять, которому из двух противников желает оно победы, а которому — поражения.

Сей персоне вспомнились около полусотни заемных писем¹, которые были ею получены в разное время как милые любовные сувениры от одного из дуэлянтов. Сумма их равнялась восьмистам тысячам рублей и могла составить целое состояние. Однако выплата этой суммы, возможно, будет оспорена, пади щедрый и безудержный в своей любви заимодавец жертвою дуэли. Поэтому, конечно, персона не могла не желать победы и долгой жизни автору заемных писем.

---

¹ Заемное письмо — так в России в описываемое время называли векселя, то есть письменные обязательства, даваемые заимодавцем, об уплате той или иной суммы предъявителю этой бумаги.

С другой стороны, расставаться с противником заимодавца ей тоже не хотелось. Штука в том, что персона сия была весьма порочного нрава... И ежели продолжать называть ее яблоком раздора, то можно сказать, что яблоко сие было с изрядной червоточинкой. Один лишь только раз, по чистой случайности, под сильнейшим влиянием искусителя Бахуса, отдавшись сему господину, яблоко возымело сильнейшее желание быть им откусываемым снова и снова. Такого плотского восторга персона ни разу и ни с кем не испытывала, поэтому приятные ощущения, даримые ей объятиями заимодавца, казались теперь весьма пресными.

Итак, с одной стороны, восхитительная страсть...

С другой — огромные деньги...

Яблоко раздора так и металось (или правильней будет сказать — каталось?) по экипажу, не зная, за чью победу возносить молитвы, а между тем звон сабель на опушке рощи не утихал. Дуэль продолжалась!

Чудилось, противники не испытывают ни малейшей усталости. Внешне они были равны друг другу — оба высокие, стройные, сильные, молодые и удивительно красивые. Прав-

да, у одного волосы были светлые, а глаза голубые, другой же обладал волосами и глазами удивительно яркого черного цвета.

Кроме того, между ними была еще одна разница... Весьма, скажем прямо, существенная, и состояла она в том, что блондин был мужчина, а брюнет — женщина.

То есть, выходит, она была брюнетка.

Ну а еще объединяло их то, что они были мужем и женой.

***Елагин дворец в Санкт-Петербурге,
1818 год***

— Милое дитя, — ласково сказала Мария Федоровна, — я хочу сделать вам один прелестный подарок.

Милой дитятею была названа некая дама в сером платье и сером кружевном чепце, очень своей невзрачностью напоминая запеченную мышь. Лицо ее было в красных нервических пятнах, оттого она всегда держала голову опущенной, стараясь этой позой и оборками чепца по мере возможности скрыть свой неприятный недуг. Однако сейчас она голову вскинула и недоверчиво воззрилась на вдовствующую императрицу.

Не одна она была поражена! В кабинете государыни Марии Федоровны сделалось всеобщее остоленение, как если бы все присутствующие были поражены одинаковой с небезызвестной женой Лота карою.

Руки фрейлины, наигрывающей на маленьком прелестном фортепьяно розового дерева, зависли над клавишами, а другая фрейлина, напевавшая неизбежного «Милого Августина», столь любимого Марией Федоровной, онемела.

Картежники, со скуки пачкавшие зеленое сукно ломберного столика, выронили мелки.

И только две дамы некоторое время продолжали свой спор около незаконченной вышивки.

— Судите сами, графиня, мыслим ли здесь цвет «Аврора»? Я не вижу другого оттенка, кроме «Бедра испуганной нимфы»! — горячилась одна.

— Не того ли самого, княжна, который наши храбрые солдатики зовут «Ляжкой испуганной Машки»? — задорно возражала другая.

Голоса их во всеобщей тишине прозвучали с неуместной громкостью.

Осознав это, дамы испуганно зажали рты руками и более не осмеливались нарушить тишину.

Ошарашенное молчание окружающих было вызвано эпитетом «милое дитя», адресованном вдовствующей императрице особе, которую она вот уже почти двадцать лет всячески третирована, унижала и презирала: тайно — постоянно, публично — при всяком удобном случае. Несчастливая особа сия приходилась вдовствующей императрице снохой, поскольку была венчанной супругой императора Александра Павловича, и звалась государыней Елизаветой Алексеевной.

Эта неприязнь зародилась давным-давно, еще когда жива была великая императрица Екатерина Алексеевна, которая с материнской лаской и нежностью относилась к молоденькой жене своего любимого внука Александра. Мария Федоровна завидовала этому отношению так же сильно, как и редкостной красоте своей снохи. А потому всегда старалась поставить ее «на место», всячески поощряя демонстративную холодность императора по отношению к жене.

Как правило, Мария Федоровна смотрела на сноху со скукой либо с издевкой, однако сейчас не сводила с нее столь приторно-ласкового взора, что, окажись на месте Елизаветы Алексеевны доверчивая муха, она непре-

менно увязла бы в этой ласковости или даже утонула бы в ней, словно в патоке.

Однако Елизавета Алексеевна за долгие годы совместного сосуществования привыкла к тому, что свекровь ее терпеть не может, всячески норовит уязвить и ранить, гораздо на выдумки всевозможных пакостей, внешне вроде бы безобидных, но на самом деле глубоко болезненных для чувствительной души, — а потому не поддалась на манящую ласку ее взгляда, а только пуще насторожилась.

— Добрый друг нашего покойного супруга, императора Павла Петровича, Юлий Помпеевич Литта, обратился ко мне с нижайшей просьбой зачислить в мой фрейлинский штат свою внучку, маленькую Скавронскую. Однако боюсь, что пятнадцатилетней девице при моем старушечьем дворе будет скучно и томно. Оттого я и решила отправить сие прелестное создание в штат императрицы, где она станет еще одним бриллиантом в вашей, милое дитя, короне!

Даже если бы собравшиеся не лишились дара речи раньше, они непременно онемели бы теперь, причем надолго.

Маленькая Скавронская! Ничего себе! Да ведь эта особа может зваться Скавронской

только по бабушке своей, Екатерине Васильевне, ныне супруге графа Литты, а фамилия отца ее — Пален! На самом деле ее зовут Юлия Пален!

И девицу Пален берут в штат императрицы?!

По протекции Марии Федоровны?!

С ума можно сойти!

Ведь «сие прелестное создание» — не только внучка Литты, бывшего любимца покойного государя Павла Петровича и командора Мальтийского ордена, неусыпными стараниями коего вся Россия едва ли не была приведена под знамена этого ордена, а значит, обращена в католичество и, очень может быть, отдана во власть иезуитов. И вообще, внучка Литты она лишь постольку, поскольку ведь Литта — отчим ее матери! А вот по крови — она внучка и Петра Алексеевича Палена! Того самого Палена, который остановил маразматические замыслы несколько спятившего государя и прибавил к его имени неоспоримое определение — покойный...

В 1801-м именно военный губернатор Санкт-Петербурга Петр Алексеевич Пален стал душой и основателем заговора против императора Павла Первого, именно он спас